

Ольга
Богатикова

Кошачий
глаз в
волшебный
час

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Иллюстрация на переплете *Каринны Мид*

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Богатикова, Ольга Юрьевна.

Б73 Кошачий глаз в волшебный час / Ольга Богатикова. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-225797-1

В ломбарде «Кошачий глаз» принимают в залог вещи очень разные. Сюда приносят и сломанные фотоаппараты, и сношенную одежду, и много других предметов с историей. И истории эти, как воспоминания самих владельцев, часто стоят куда дороже, чем вещи, которые их хранят. Юной героине предстоит разобраться в хитром устройстве «Кошачьего глаза», а также изменить несколько судеб. Только к лучшему ли?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Богатикова О., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225797-1

Ломбард

Ломбард «Кошачий глаз» находился неподалеку от старого запущенного парка. Это было небольшое прямоугольное строение с покатой крышей и двумя широкими ребристыми фальшколоннами. Его длинные узкие окна прятались за крепкими ажурными решетками, а стекла — за тонированной пленкой, чтобы прохожие не могли разглядеть, что происходит внутри.

Здание ломбарда считалось одним из старейших в городе. Переулок Авангарда, в котором оно располагалось, когда-то была городским центром, однако новые районы с многоэтажками и огромными ТРЦ давным-давно вытеснили ее едва ли не на окраину. Здесь имелись старенькие магазины, небольшие клумбы, стараниями дворников превращав-

шиеся зимой в сугробы, низенькие кирпичные дома и ветхие купеческие особняки, некогда бывшие муниципальными учреждениями.

К широкому крыльцу «Кошачьего глаза» вели три каменные ступеньки, скользкие из-за недавно выпавшего снега. Я осторожно поднялась по ним вверх и, вытерев ноги о пластиковый коврик, потянула на себя ручку тяжелой деревянной двери.

В холле ломбарда было тихо и прохладно. Оглядевшись по сторонам, я решила, что это место больше напоминает музей, чем контору, в которой дают деньги под залог золотых сережек и мобильных телефонов.

С ломбардами я дел никогда не имела, однако привыкла считать, что они представляют собой унылые крохотные каморки — темные, с потеками от прохудившейся крыши и рваным линолеумом. По крайней мере, именно так выглядела организация, делившая помещение с магазином, в котором когда-то работала моя мама.

Здесь же все было по-другому: дорогой ламинат, гладкие деревянные панели до середины стены, узкие картины в тяжелых золотистых рамках, высокий потолок с лепниной и большое овальное зеркало, висевшее прямо напротив входа.

Слева тихонько скрипнула дверь. Я повернула голову и увидела серого кота, вышедшего

из боковой комнаты. Это был метис нидерланда с какой-то неведомой мне дворняжкой. У него имелась роскошная шерсть, слишком светлая для представителей этой благородной породы, полосатые лапы, создававшие впечатление, будто зверя нарядили в детские гольфы, и большие желто-зеленые глаза.

— Привет, — улыбнулась ему я.

Кот смерил меня серьезным внимательным взглядом, а потом юркнул обратно в комнату. Сразу после этого дверь скрипнула снова, и в холл шагнула высокая светловолосая женщина в строгом синем платье.

— Здравствуйте, — сказала она. — Чем могу помочь?

— Доброе утро, — я вежливо кивнула. — Я пришла на собеседование. По поводу работы.

— Вы Светлана?

— Да.

— Прошу в мой кабинет.

Она открыла дверь шире и пропустила меня в просторное помещение раза в полтора больше, чем холл. Здесь стояли высокие шкафы с книгами и фарфоровыми фигурками, массивный письменный стол, два мягких кресла, узкий кожаный диванчик и винтажные напольные часы.

Женщина указала мне на кресло для посетителей, а сама уселась за стол, из-под кото-

рого тут же вынырнул давешний кот. Зверь еще раз смерил меня взглядом, а потом легко прыгнул на подоконник и замер на нем, как большая мохнатая статуэтка.

— Что ж, давайте знакомиться, — сказала женщина. — Меня зовут Ольга Сергеевна Чарская. Я — хозяйка этого ломбарда. А вы, — она взяла со стола лист бумаги, очевидно, мою анкету, распечатанную с сайта вакансий, — Светлана Юрьевна Лапочкина.

— Можно просто Света, — улыбнувшись, вставила я.

Чарская кивнула.

— Вам двадцать пять лет, — продолжила читать дама, — образование — высшее, профессия — экономист. Работали по профессии два с половиной года. Желаете трудиться в нашем ломбарде кладовщиком.

Она подняла на меня вопросительный взгляд.

— Фирма, в которой я раньше вела учет, закрылась, — объяснила ей. — Я пыталась снова устроиться куда-нибудь экономистом, но так и не смогла подыскать подходящее место.

Этот вопрос сейчас был для меня самым больным. Я и представить не могла, что найти новую работу окажется так сложно. Город у нас большой, с кучей всевозможных организаций. Вакансий экономистов и бухгалтеров пруд пруди, однако я категорически не могла

отыскать среди них что-нибудь стоящее. Крупные учреждения с хорошей зарплатой и нормальными условиями труда отказывали мне из-за скромного стажа, а мелкие предлагали пахать день и ночь за такие смешные деньги, что им отказывала я.

Поиски работы продолжались четыре месяца, пока не обнаружилось, что сбережения, на которые мне теперь приходилось жить, почти закончились. Сумма, оставшаяся на банковской карте, ясно давала понять: если я немедленно не начну зарабатывать, в следующем месяце у меня не будет возможности ни заплатить за съемную квартиру, ни купить себе еды.

Оставив гордость и амбиции, я принялась рассматривать вакансии попроще. В самом деле, что мешает мне поработать кассиром, продавцом или уборщицей, пока не найдется вакансия, соответствующая моему диплому?

Можно было, конечно, попросить денег у родителей и продолжать поиски, сидя у экрана ноутбука, однако эту идею я решительно отвергла. Папа и мама жили в соседнем городке, и их доход был не настолько велик, чтобы, помимо двоих младших сыновей, содержать еще и старшую дочь.

Ломбард «Кошачий глаз» привлек мое внимание тем, что за работу кладовщика предла-

гал плату почти на треть больше, чем другие работодатели, и находился всего в двух трамвайных остановках от моего дома. Посчитав это хорошим знаком, я откликнулась на вакансию и в тот же вечер получила письмо с приглашением на собеседование.

И вот теперь я сижу в просторном кабинете с красивой дорогой мебелью, а потенциальная начальница смотрит на меня таким серьезным понимающим взглядом, что создается неприятное впечатление, будто она прочла мои мысли и находится в курсе моего непростого положения.

— Ситуация на рынке труда сейчас сложная, — кивнула Ольга Сергеевна, отложив в сторону листок с анкетой. — Пожалуй, я возьму вас на работу. Вы в курсе, чем придется заниматься?

У нее были удивительные глаза — зеленые с желтоватыми крапинками. Интересно, сколько этой Чарской лет? На вид можно дать и тридцать, и шестьдесят. Фигура у нее точенная, как у девочки, кожа гладкая, руки ухоженные, прическа же и вовсе идеальна — пряди блестящие, аккуратные, волосок к волоску. Зато взор как у старухи, воочию видевшей рождение планет. От него по коже скакали мурashki, появлялось желание выпрямить спину и вспомнить все существующие правила этикета. В Чарской определенно был стержень,

и он заставлял собеседника слушать ее, затаив дыхание.

— В объявлении говорилось, что кладовщик должен определять на хранение вещи клиентов, вести документацию и составлять каталоги.

— Верно, — кивнула Ольга Сергеевна. — С каталогами надо работать особенно тщательно. Их давно не заполняли, поэтому придется сначала провести небольшую ревизию. В этом нет ничего сложного, вы быстро разберетесь, что к чему. Кстати. Вчера ломбард остался без уборщицы. Если хотите, можете взять ее обязанности на себя — за дополнительное вознаграждение, разумеется. Помните сумму, указанную в объявлении? Добавьте к ней еще шестьдесят процентов и получите свою итоговую зарплату.

Я прикинула фронт работы и согласно кивнула. Здание ломбарда было небольшим, и его уборка наверняка не требовала особых трудозатрат. Деньги же, как известно, лишними никогда не бывают.

— Вот и чудно.

Чарская просмотрела мои документы, затем пробежалась пальцами по клавиатуре ноутбука и распечатала стопку бумаг, которые мне надлежало изучить и подписать: трудовой договор, должностную инструкцию, инструкцию по ТБ и пожарной безопасности, а также

договор о неразглашении конфиденциальной информации.

— В ломбард приходят разные люди, — заметила Ольга Сергеевна. — Некоторые из них известны широкой публике. Они должны быть уверены, что их визиты никто не станет обсуждать.

Я пожала плечами. Подобную бумагу мне уже приходилось подписывать на бывшей работе.

Внимательно прочитав документы, я поставила в нужных графах свой автограф и отдала новой начальнице. Чарская их тоже подписала и, вернув мне мой экземпляр договора, предложила пройтись по зданию ломбарда, дабы посмотреть, что где находится.

Экскурсия длилась не больше десяти минут. За это время мне показали кладовку со швабрами и моющими средствами, хранилище с вещами клиентов и мой кабинет — узкий и длинный, как сосиска, с письменным столом, микроволновкой, компьютером, вешалкой для верхней одежды и большим шкафом, заваленным папками с документами.

В каждом помещении Чарская останавливалась и подробно рассказывала об его особенностях и назначении.

— Хранилище ломбарда разделено на две части, — говорила она. — Они идут друг за другом анфиладой. В первой хранятся обычные

вещи, а во второй — особо ценные. Они обе находятся за железными дверьми и снабжены мощной системой сигнализации. Первая часть кладовой запирается на обычный механический замок, вторая — на электронный. Ключ от электронного у меня один, и хранится он в моем личном сейфе. Когда нам принесут в залог особенную вещь, вы возьмете ключ оттуда, а потом обязательно вернете на место. Обратите внимание, Света, если он потеряется, и у вас, и у меня будут большие проблемы.

Когда я заверила, что буду максимально внимательна и осторожна, мне выдали две связки ключей — одну от кабинетов, другую — от металлической двери первого хранилища. К последней связке был прикреплен брелок — небольшой овальный камень зеленовато-желтого цвета. Увидев его, я невольно улыбнулась.

— Что-то не так? — спросила Чарская.

Я качнула головой.

— Нет, все нормально. У этих ключей забавный брелок.

— И что же в нем забавного?

— Это хризоберилл, верно? — Я поднесла камень к лицу. — В народе его зовут кошачим глазом. Ломбард называется так же. Получается, ценности «Кошачьего глаза» охраняет кошачий глаз. Забавно.

На губах Ольги Сергеевны появилась улыбка.

— Вы разбираетесь в камнях, Света?

— Немного. Мой отец больше десяти лет коллекционировал минералы. Мы с братьями выучили его сокровища наизусть.

Чарская осторожно провела по хризобериллу пальцем.

— Наши предки считали кошачий глаз волшебным камнем, — негромко сказала она. — Они были уверены, что он защищает своего владельца от порчи и дарит способность видеть то, что не видят другие.

Я посмотрела ей в лицо и с удивлением обнаружила, что глаза Ольги Сергеевны своим цветом необычайно похожи на хризоберилл.

— У вас есть вопросы, Света?

— Всего один. Но с моей работой он не связан.

— Ну?

— Есть ли в этом ломбарде сотрудники, кроме нас? Я думала, что тут как минимум должны быть охранники, но их почему-то не видно.

— Охранники здесь не нужны, — качнула головой Чарская. — Нам хватает сигнализации и тревожных кнопок. Поэтому — да, сотрудников тут всего трое: я, вы и Сташек.

— Сташек?

Ольга Сергеевна снова улыбнулась и взяла на руки кота, который все это время прогуливался по комнатам вместе с нами.

— Интересное у него имя, — я протянула коту руку. Тот деловито ее понюхал и легонько ткнулся мохнатой головой в мою ладонь. — Польское?

— Его зовут Аристарх, Сташек — сокращенный вариант. Этот зверь очень умный и сообразительный. Уверена, вы станете хорошими друзьями.

О, не сомневаюсь. Кошечка я люблю, и они обычно отвечают мне взаимностью. А вообще это здорово, когда на работе есть такой пушистый четвероногий коллега. Кошки привносят в трудовые будни умиротворение и домашний уют. Недаром же их в качестве талисманов держат в библиотеках, музеях и детских больницах.

Я ласково почесала Сташека за ухом. Тот тихонько мурлыкнул.

— Завтра ваш первый рабочий день, — сказала Чарская, опуская кота на пол. — Не опаздывайте, Света.

Тапочки

Котлета была отличная — и на запах, и на вкус. Нежная говядина, едва различимая сладость лучка, тонкая хрустящая корочка...

Я отломила от нее вилкой небольшой кусочек и протянула его Сташеку.

— Будешь еще?

Кот взял угощение и принялся жевать, едва ли не щурясь от удовольствия. Правильно, это тебе не дешевые полуфабрикаты лопать и не сосиски из субпродуктов. А ведь в течение последнего месяца мы со Сташеком ели эту гадость ежедневно. Я — от безысходности, кот — потому что не имел привычки отказываться от еды, какая бы она ни была.

Теперь все было по-другому. Вчера я получила первую зарплату (ее размер меня приятно удивил), а потому сегодня на обед у нас были нормальные котлеты из нормального фарша.

В целом, работать в ломбарде мне понравилось. Тут было скучновато, зато тихо и спокойно.

Мой трудовой день начинался в семь тридцать — за полтора часа до открытия «Кошачьего глаза». Я выносila мусор, поливала фикусы, стоявшие в кабинете Ольги Сергеевны, протирала пыль, мыла полы.

На все эти манипуляции уходило около часа. Потом приезжала Чарская, и последние тридцать минут до начала работы мы пили чай. Ольга выкатывала из подсобки маленький круглый столик, расставляла на нем посуду и угощала меня каким-нибудь экзотиче-

ским сбором. Чай, который приносила я, Чарская пить отказывалась, называя его пылью индийских дорог, зато с удовольствием хрустела моими карамельками, добавляя к ним свое печенье или нежнейшие заварные пирожные.

Во время чаепития мы разговаривали. Ольга Сергеевнаправлялась о моем здоровье и настроении, а потом задавала ненавязчивые вопросы о детстве, родителях, привычках и увлечениях. Зачем ей нужна эта информация, я не знала, однако отвечала без возражений — пикантные подробности моей биографии начальнице не интересовали, поэтому ее любопытство можно было списать на естественное желание лучше узнать свою сотрудницу.

О себе Чарская не рассказывала ничего. Мои робкие попытки выяснить, как обстоят дела у нее самой, сразу же пресекались — Ольга Сергеевна мягко, но решительно переводила разговор на другую тему.

В девять ноль-ноль мы расходились по рабочим местам. Чарская пересаживалась за письменный стол, а я отправлялась в хранилище или в свой кабинетик.

Документы и каталог «Кошачьего глаза» я привела в порядок всего за две с половиной недели. В целом это было не сложно. Требовалось только разделить бумаги на нужные

и устаревшие, а также актуализировать списки хранившихся у нас вещей. С последними, правда, пришлось повозиться.

Каталог ломбарда был разделен на две большие части. В первую из них надлежало заносить предметы из кладовки номер один. В ней содержалось много красивых и полезных вещей: старинные картины и статуэтки, наручные часы, ювелирные украшения (в основном кольца и цепочки) и всевозможная электроника, начиная от фотоаппаратов и заканчивая телевизорами.

У каждого из этих закладов был свой срок хранения. То, что клиенты не успевали или отказывались выкупать, следовало хранить еще месяц, а потом отправлять на продажу в специальные магазины, с которыми у Чарской были заключены договора. Раз в две недели к нам приезжала машина, в которую хмурые дяденьки в синих комбинезонах загружали коробки с «просроченным» ломбардным товаром. Поначалу Ольга Сергеевна сама контролировала этот процесс, а потом с радостью делегировала эту обязанность мне.

Что интересно, в магазины уезжали только вещи из первой кладовой. Те, что находились во второй, никто никогда не трогал. Их не выкупали и не продавали, и я даже боялась представить, что за сокровища там скрыты.

Отпирая в первый раз электронный замок хранилища номер два, я ожидала увидеть в нем подлинник «Моны Лизы» или, на худой конец, коллекцию скрипок Страдивари. Каково же было мое изумление, когда за тяжелой металлической дверью обнаружился самый обыкновенный хлам. На пронумерованных деревянных полках лежали безглазые пластиковые куклы, облезлые бусы и дешевые брошки, сломанные табуретки, пыльные советские радиоприемники.

Можно было подумать, будто все эти предметы являются необычными, однако я была на сто процентов уверена, что это не так. Вещи, сохранностью которых меня едва ли не ежедневно пугала начальница, имелись у каждого жителя нашей страны. Точно такой же радиоприемник когда-то стоял в квартире моего деда, а на чердаке родительской дачи до сих пор валяется такая же старая лысая кукла — ею, кажется, играла еще моя мама.

Все, что лежало в нашей особенной кладовой, являлось ширпотребом, да еще весьма сомнительного качества. В связи с этим возникал закономерный вопрос: почему рухлянь, которая в базарный день будет стоить три рубля за тонну, хранится с таким почтением и считается чрезвычайно ценной?

Этот вопрос я задала Чарской во время очередного чаепития.

— Поверь, Света, те вещи не так просты, как кажется, — ответила мне она. — Они уникальны, удивительны. Сейчас ты этого не понимаешь, однако совсем скоро они перед тобой раскроются.

— В каком смысле раскроются? — не поняла я.

— Увидишь, — усмехнулась тогда Ольга Сергеевна.

Наш разговор меня заинтриговал, однако, занявшихся текущими делами, я быстро о нем забыла.

Вообще, работы в ломбарде хватало всегда. Посетители появлялись тут каждый день, и они действительно были разными. Кого-то привозил к нам трамвай, кого-то — дорогой автомобиль, кто-то приходил пешком. Чарская принимала всех и никогда никому не отказывала.

В холле клиентов непременно встречал Сташек.

Кот жил в ломбарде постоянно, при этом я понятия не имела, где находится его лоток и мисочки для еды. У меня имелось предположение, что они стоят в личной подсобке Ольги Сергеевны — единственном помещении, в которое у меня не было доступа.

Как и говорила Чарская, Сташек оказался умным и воспитанным зверем. Он не портил мебель, не скакал по шкафам и полкам, не